

Рец. на кн.: «Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России». Сборник научных трудов ИМЛИ РАН. Под ред. К. А. Чекалова, М. Р. Ненароковой. М.: Изд-во ИМЛИ, 2015. 320 с.

Rev. op.: «Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России». Сборник научных трудов ИМЛИ РАН. Под ред. К. А. Чекалова, М. Р. Ненароковой. М.: Изд-во ИМЛИ, 2015. 320 с.

Паралитература в последние годы привлекает не только массового читателя, но и массового исследователя: ей посвящены многочисленные научные статьи, диссертации, монографии и сборники трудов как в России, так и за рубежом. И хотя еще классики отечественного литературоведения А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, Г. А. Гуковский настаивали на необходимости изучения этого феномена, подлинный всплеск интереса к беллетристике приходится на Западе на вторую половину XX в.¹, а в России — на начало нынешнего столетия². Проблема массовой литературы привлекает внимание социологов, стремящихся показать потребительскую сущность товара, выявить экономические и идеологические механизмы культурной индустрии; психологов, рассматривающих данные тексты в качестве выражения мифов и желаний современной эпохи, нужд, тревог, потребностей в любви, безопасности, благосостоянии. Современные писатели, представители Нового романа и мэтры постмодернизма используют матрицы массовой литературы, обращаясь к детективу, приключенческому, любовному и прочим формульным типам романа. Даже специалисты по методике не обходят вниманием беллетристику, видя в ней важное средство для пробуждения интереса учеников, далеких от классического литературного пантеона. Курсы массовой литературы включены в университетские программы, о чем свидетельствуют издаваемые учебные пособия.

Однако в основном исследователей привлекает конец XIX–XX в., когда в строгом смысле слова и возникает само явление. Тем важнее представляется обращение к истокам зарубежной массовой литературы, оказавшей влияние на формирование российского канона, чему и посвящен сборник научных трудов

---

¹ *Olivier-Martin Y.* Histoire du roman populaire en France, 1840–1980. P., 1980; *Plaul H.* Illustrierte Geschichte des Triviallitteratur. Leipzig, 1983; *Couégnas D.* Introduction à la paralittérature. P., 1992; *Bloom C.* Cult Fiction. Popular reading and pulp theory. London, 1996 etc.

² *Гудков Л. Д.* Массовая литература как проблема. Для кого? // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 78–100; *Саморуков И. И.* Массовая литература: проблема художественной рефлексии. Самара, 2006; *Скокова Т. А.* Специфика массовой литературы в эпоху постмодернизма // Вестник ВГУ. 2009. № 2. С. 95–100; и т. д.

ИМЛИ «Генезис зарубежной массовой литературы и ее судьба в России», вышедший в Москве (издательство ИМЛИ РАН) в 2015 г. Составленный на основе докладов международной научной конференции «Зарубежная массовая литература в России. XVIII–XIX в.», состоявшейся в ИМЛИ РАН в 2011-м, коллективный труд, по заявлению самих авторов, представляет собой первый опыт подобного исследования в российском литературоведении, что и объясняет эмпирический характер статей, не претендующих на определение и уточнение научной терминологии. Несмотря на то что составители сборника признают его предварительный и позитивистский характер, думается, что этот первый опыт имеет большое значение, поскольку закладывает основы для изучения самих истоков массовой литературы, для разграничения и уточнения понятий «высокого» и «низового» в литературном процессе. Так, еще А. Н. Веселовский прозорливо заметил, что именно в массовом искусстве следует искать «тайные пружины» исторического процесса, и современная наука (то есть наука кон. XIX столетия для А. Н. Веселовского или кон. XX — нач. XXI в. для нас) «позволила себе заглянуть в те массы», которые были ранее заслонены великими одинокими деятелями, стоявшими на высоте³. Эту мысль развивает Ю. М. Лотман, полагавший, что «массовая литература устойчивее сохраняет формы прошлого и почти всегда представляет собой многослойную структуру»⁴.

В статьях, вошедших в сборник, исследуются эти многослойность и традиции прошлого. Так, Т. А. Зотова в своей статье «Немецкий романтизм и массовое чтение: народная книга в драматургии Л. Тика», обращаясь к очень интересной и важной проблеме «народной книги» в немецкой традиции, пытается найти эквивалент для русской и европейской культур: развлекательная литература, распространявшаяся книгоношами, существовавшая в разных странах, была популярна прежде всего в малообразованной среде: сразу же вспоминается Сильвестр Боннар А. Франса, воскликнувший при виде предложенных ему «книжным агентом» изданий: «Боги милостивые! Боги праведные! Что за новинки предложил мне гомункул Кокоз». Хотя кухарка и отвергает предложенный ей сонник, предпочтя молитвенник и поваренную книгу, само перечисление названий популярной в то время литературы свидетельствует о вкусах общества: любовные приключения, правила игр в обществе или сонник, столь популярные в конце XIX столетия, привлекают публику и в наши дни, что в очередной раз подтверждает мысль о том, что именно массовая литература отражает общие тенденции и мало меняется на протяжении веков: псевдоистория, гадания, игры, приключения, любовь всегда будут пользоваться спросом. Однако Т. А. Зотова обращается к изучению того, как Тик использует традиционный материал для экспериментов и «создания собственных оригинальных произведений» (с. 53). Именно эта алхимия творчества немецкого романтика становится главным объектом исследования в статье, открывающей новые грани и нюансы немецкого

³ Веселовский А. Н. О методе и задачах истории литературы как науки // *Он же*. Историческая поэтика. М., 2004. С. 44.

⁴ Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема // *Он же*. О русской литературе. СПб., 1997. URL: <http://www.ad-marginem.ru/article18.html> (дата обращения: 20.03.2017).

романтизма — блестящий пример того, как обращение к массовой литературе расширяет и углубляет традиционные представления.

О роли Поля де Кока в русской литературе писал еще Б. Н. Эйхенбаум, однако до сих он не становился предметом пристального и целенаправленного внимания, поэтому несомненной удачей сборника можно считать обращение к творчеству этого романиста, которому посвящены две статьи: Сильвианы Робарде-Эппстейн и Ирины Еленгеевой. Популярность этого автора мелодраматических романов была столь велика, что в день выхода очередного произведения в книжных магазинах, по словам хроникера, случилось настоящее столпотворение. Не менее известным он был и в России, где его начали переводить еще в 1830-е гг., а в 1900 г. вышло полное собрание сочинений. А. де Кюстин в своих записках о России, утверждая, что здесь из всех французских писателей отдают предпочтение Полю де Коку, делает вывод о том, что «в России дозволены лишь те развлечения, что начисто лишены смысла»⁵. Наиболее известные романы де Кока вышли в «Ленинградском издательстве» в 2008–2009 гг., из чего следует, что интерес к творчеству этого автора не иссяк и два столетия спустя. Сильвиана Робарде-Эппстейн размышляет о соотношении между стилем писателя, успехом его романов и их последующей судьбой на основании критических отзывов, предлагая заново оценить влияние этого «натуралиста *avant la lettre*» на развитие реалистической и натуралистической литературы во Франции. Статью отличает глубина анализа, широта анализируемого материала. Выдвинутые автором гипотезы представляются обоснованными и нуждаются в дальнейшем анализе и проверке. Статья И. Еленгеевой посвящена восприятию де Кока Ф. М. Достоевским. «Эскизная попытка» (по формулировке автора статьи) вполне удалась: статья дает представление о рецепции де Кока в России XIX в. Предложенная выборка цитат, упоминающих или отсылающих к де Коку в творчестве Ф. М. Достоевского, и анализ аллюзий позволяют определить круг чтения русского классика. Обе статьи хорошо дополняют друг друга, не только расширяя наши представления об этом романисте, но и показывая причины его популярности в России и особенности восприятия.

Своеобразный диптих составляют и две статьи, посвященные образу Картуша. Статья К. А. Чекалова «Образ Картуша в массовой литературе XVIII–XX вв.» знакомит нас с историческим персонажем, весьма далеким от образа благородного разбойника из одноименного фильма. Несомненным достоинством является обращение к разным видам искусства (литературе, театру, кинематографу): широкое и стойкое бытование героя свидетельствует о его массовом характере, мифологизирует, превращает в вечный образ. В статье содержится много интересных сведений, анализ краток (в силу большого количества представленного материала), но исчерпывающе убедителен. Е. В. Акельев переносит нас на русскую почву, сопоставляя французского героя и «российского Картуша» — Ваньку Каина. Как и в предыдущей статье, мы узнаем много подробностей об исторических Картуше и Ваньке, что позволяет размышлять над соотношением факта и вымысла, проследить путь формирования литературных персонажей, их связь с историко-культурной атмосферой эпохи.

⁵ Кюстин А. де. Россия в 1839 г. М., 1996. Т. 1. С. 145.

Изучение переводов, рецепции, исторических и литературных прототипов представляется чрезвычайно важным, поскольку, как писал Ю. М. Лотман, понятие массовой литературы есть понятие социологическое, которое «касается не столько структуры того или иного текста, сколько его социального функционирования в общей системе текстов, составляющих данную культуру», определяя «отношение того или иного коллектива к определенной группе текстов»⁶. Именно с этой важной проблематикой связано большинство опубликованных статей. Проблемы перевода и его значения для русской литературы затронуты в статьях А. В. Голубкова, Л. А. Курышевой, И. К. Стаф, Г. Н. Ермоленко, Е. Е. Дмитриевой, Е. Ю. Сапрыкиной. Статья А. В. Голубкова посвящена переводам французского романа о Мелюзине — сюжет хотя и известный, но нуждающийся в комментариях, чему и посвящена первая часть исследования, знакомящая не только с текстом романа Жана д'Арраса, но и с его различными изданиями и поэтическим вариантом Кудрета. Именно последний через Германию и Польшу попадает в Россию. Анализируя русские переводы, автор статьи отмечает общую тенденцию, проявившуюся в разных изданиях и явно свидетельствующую о сознательном желании сократить текст, улучшить его структуру и фабулу, то есть беллетризировать, с тем чтобы облегчить его восприятие читателями иной эпохи и культуры.

Л. А. Курышеву интересует проблема русификации переводного произведения, его быстрой ассимиляции в новой среде, что связано с упрощенным подходом к проблеме авторства в рукописной литературе. Исследователь изучает принципы «обращения» на материале древнерусской повести и повести XVIII в. с общей сюжетной линией, что ведет к убедительной демонстрации того, как беллетристические сюжеты приспособляются к разным эпохам, и позволяет сделать вывод о важности влияния переводной рукописной литературы на формирование российской словесности. И. К. Стаф на материале повестей графа де Кейлюса показывает, как неверный перевод ведет к искажению понимания. Статья дает представление о переводах и рецепции Кейлюса в России, но в центре внимания — «История Гийома», превратившаяся в переводе В. Г. Вроблевского в сборник нравоучительных правдивых картин из парижской жизни: личность переводчика, его принадлежность к третьему сословию определяют вектор перевода, превращая фривольный текст в назидательный урок для подражания. Г. Н. Ермоленко в своей основательной статье обращается к тому, как итальянские рыцарские поэмы в русском переводе превращаются в произведения массовой беллетристики, развивая мысль о том, что произведение высокой литературы со временем может перейти в разряд массовой культуры.

Статья Е. Е. Дмитриевой посвящена чисто французскому явлению либертинажа, сыгравшему важную роль во французской культуре XVII—XVIII вв. Поскольку речь идет о малоизвестном в России понятии, то оправданным оказывается обращение к словарным статьям, однако автор ограничивается лишь современными изданиями, в то время как французско-русский словарь Н. Макарова, изданный в Петербурге в 1893 г., уже дает оба значения французского

⁶ Лотман Ю. М. Массовая литература как историко-культурная проблема. URL: <http://www.ad-marginem.ru/article18.html> (дата обращения: 20.03.2017)

libertin — «распутник» и «вольнодумец». Несомненно интересным представляется и перечисление переводов французской либертенской литературы на русский язык, жаль только, что речь идет лишь о списке авторов и названий без анализа переводов и рецепции, как это обещает название статьи: «Романы французского либертинажа, их читатели и переводчики». В текст вкрались и несколько досадных неточностей: так, под названием «Феатр для любовников» (1810) была издана вовсе не одна из пьес маркиза де Сада (с. 114), но те же повести, что и в предыдущем издании 1806 г. Речь идет не о «романах», но о переводе четырехтомного сборника повестей маркиза де Сада «Преступления любви» («Les crimes de l'amour»), изданного в 1800 г. При этом автор статьи приводит почему-то лишь названия повестей, вошедших в первые два тома русского издания, опустив еще четыре повести, составляющие третий и четвертый тома. Приводимая на стр. 109 цитата: «Он франмасон, / Он пьет одно/Стаканом красное вино» никак не может служить примером «клишированного восприятия фамусовской Москвой Чацкого», ибо принадлежит она А. С. Пушкину и речь идет о восприятии Евгения Онегина его соседями по поместью: «Сосед наш неуч; сумасбродит; / Он фармазон; [а не *франмасон* — смысл тот же, но править классика как-то неловко!] он пьет одно / Стаканом красное вино»⁷. Досадно, что эти ошибки перешли из статьи Е. Дмитриевой «Французский либертинаж и его русские отголоски»⁸, повторением которой является данная публикация.

Е. Ю. Сапрыкина на примере русского перевода рассказа итальянского автора рубежа XIX–XX вв. показывает, каким образом происходит его вхождение в массовую культуру благодаря использованию литературных штампов, усилению мелодраматической составляющей. Любопытно обращение к малоизвестной странице кинематографической биографии В. Маяковского, сыгравшего итальянского героя, перемещенного в русский псевдолубочный фон. Обращение к кино и балетам свидетельствует о важности интермедийного аспекта: изменение языка искусства способствует усилению мелодраматической образности. К итальянской литературе обращается и К. А. Чекалов, которого привлекает творчество «итальянского Жюль Верна» Эмилио Сальгари, интересовавшегося русской тематикой, что ярко проявилось в его романе «Ужасы Сибири», героями которого становятся народовольцы. Автор статьи отмечает, что повествование строится по всем правилам паралитературы, и делает предположения о причинах невостребованности произведения итальянского автора в России.

Рецепции посвящены статьи Е. П. Гречаной и Н. Т. Пахсарьян, причем если в первой речь идет о малоизвестном русскому читателю романе Луве де Кувре, то во второй автор обращается к одному из самых известных в России романистов — А. Дюма. Поскольку шевадь де Фоблас нуждается в представлении, автор статьи начинает с анализа самого романа, его стереотипов, помещая его в литературный контекст эпохи. Многогранность романа ведет к его двоякому

⁷ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Гл. 2. V // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1954. С. 29.

⁸ Дмитриева Е. Е. Французский либертинаж и его русские отголоски // Мишель Делон. Искусство жить либертена. Французская либертинская проза XVIII века. М., 2013. С. 839, 843.

восприятию в России, где акцентируется то фривольная, то сентиментальная линия и где роман быстро становится известен не только на французском языке, но и благодаря переводам, появившимся уже в конце XVIII в.

Имя автора «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо» не может оставить равнодушным русского читателя, выросшего на этих произведениях, узнававшего по ним французскую историю «Великого века». Однако мало кто знает, что А. Дюма начинает свой творческий путь с драматургии, и именно она, пишет Н. Т. Пахсарьян, вызвала в России первый профессиональный и любительский интерес к этому автору. Исследователю удалось обнаружить чрезвычайно интересные отклики и оценки русских писателей и критиков, порой весьма острые: В. Г. Белинского, А. А. Григорьева, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, А. И. Куприна и др. Сравнение романистики Дюма со сказкой, встречающееся у многих русских писателей, помогает объяснить причины его вневременной популярности — увлекательные авантюрные романы французского автора, по мысли Н. Т. Пахсарьян, лежат в зоне интерференции беллетристики и серьезной литературы. Высказанная гипотеза о наличии целого ряда «пограничных» произведений представляется чрезвычайно продуктивной для дальнейшего исследования феномена массовой литературы.

Владимир Дубровский — один из самых известных и ярких романтических героев русской литературы, поэтому обращение к европейским прототипам этого благородного разбойника в статье М. Р. Ненароковой вызывает неподдельный интерес. При этом автор статьи, предлагая внимательное, медленное чтение романа, не только устанавливает возможные источники и параллели, но и тонко анализирует сам пушкинский текст, вскрывая в нем новые смыслы, понять которые без обращения к предшествующей традиции, к кругу чтения, к «пище души» невозможно.

Т. И. Акимова в своей статье «Французская беллетристика в сказках Екатерины II» также обращается к истокам, к личному читательскому опыту императрицы, при этом обойдя вниманием своего предшественника в изучении данной темы: о французских источниках этих сказок писал В. В. Сиповский еще в начале XX в.⁹ Безусловно, тема не исчерпана, и исследователь предлагает свой взгляд, но упомянуть данную работу было бы можно. Название статьи указывает, что речь пойдет о французской беллетристике, однако в тексте самой статьи лишь дважды вскользь (с. 98, 99) упомянуто имя одного Ш. Перро, что ведет к тому, что характеристика этого влияния оказывается слишком общей и малообоснованной. А утверждение того, что положительные качества героев, например Красной Шапочки, ведут их к счастью через романские испытания, вызывает недоумение: испытания не являются «романными», а говорить о счастье съеденной волком героини несколько опрометчиво. Вызывает сожаление и весьма небрежное оформление статьи.

Наконец, первая статья сборника и последняя в нашем кратком обзоре посвящена самому понятию беллетристики в России, которое изучается на примере В. Г. Белинского. А. С. Курилов внимательно прослеживает, как менялось

⁹ Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. Т. 1. Вып. 2 (XVIII в.). СПб., 1910. С. 313.

не только отношение русского критика к этому явлению, но и само понимание того, что представляет собой массовая литература. Думается, что речь идет не только о В. Г. Белинском, но и в целом об отношении русской интеллигенции, писателей и образованных читателей к беллетристике, которое продолжает меняться, как меняется и она сама.

Несмотря на то что паралитература призывает к пассивному чтению, она требует активного изучения, чему и посвящен рецензируемый сборник.

Вероника Дмитриевна Алташина,
д-р филол. наук, доцент,
проф. кафедры истории зарубежных литератур
ФГБОУ ВО
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034,
г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9
nikaalt@bk.ru
ORCID: 0000-0002-8134-3923

Veronika Altashina,
Doctor of Sciences in Philology, Professor,
Department of History of Foreign Literatures,
St. Petersburg State University
7–9 Universitetskaia Naberezhnaia,
St. Petersburg 199034, Russian Federation
nikaalt@bk.ru
ORCID: 0000-0002-8134-3923